

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ПРАЗДНИЧНЫЕ ЛИЦА.

КРОКОДИЛ

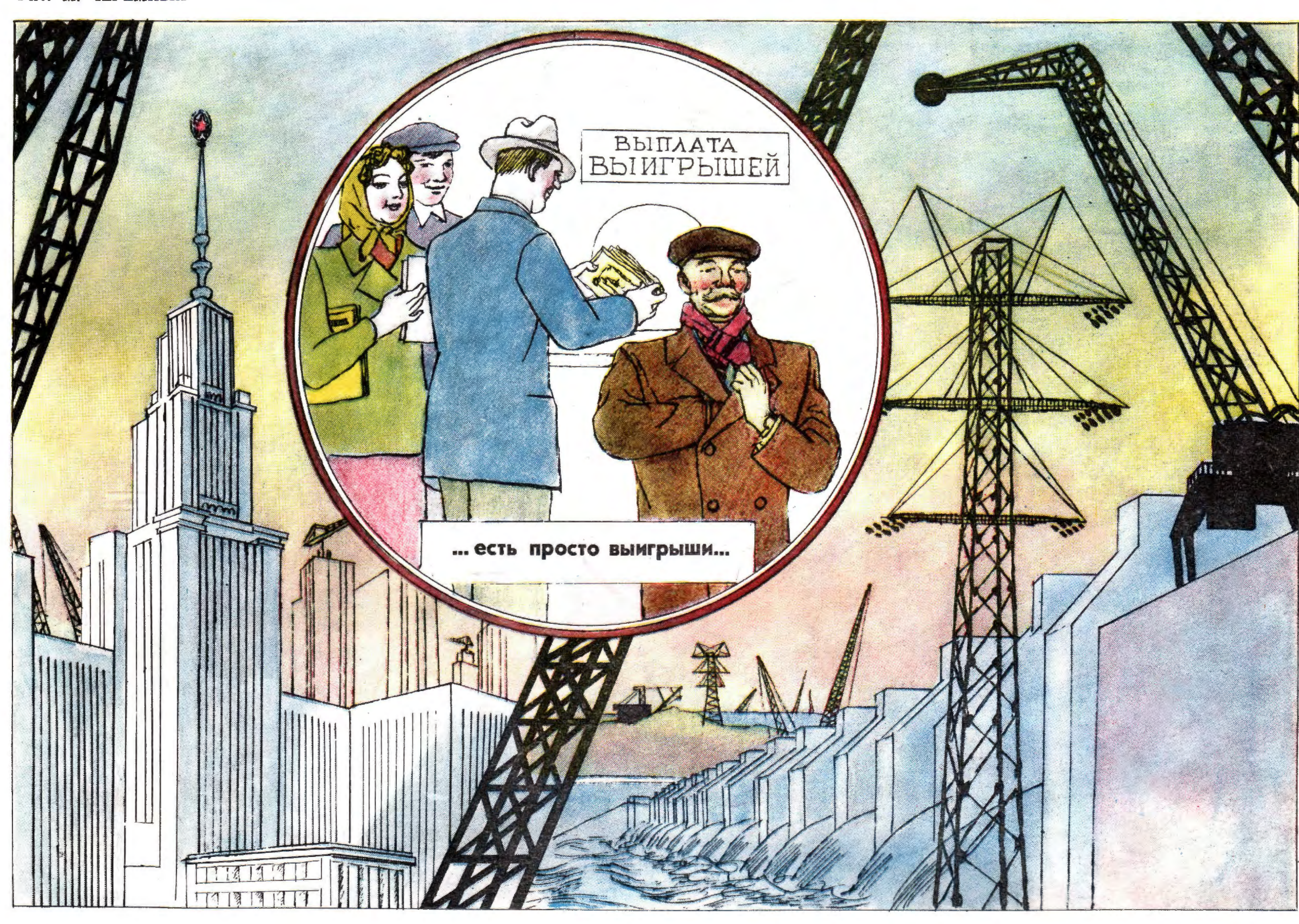
№ 13 (1303) МОСКВА 10 МАЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

ПО НАШИМ ЗАЙМАМ...

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

... и главные выигрыши.

Лев КАССИЛЬ

„Мечты на дорогах"

(ЗАМЕТКИ УЧАСТНИКА ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

ПОКА не звякнул председательский звонок и не тренькнул о графин президиума стакан, из которого для увлажнения уст своих готовился отпить первый докладчик, у нас была возможность предаться вольным мечтам. Как пройдёт оно, это наше долгожданное совещание? И что-то будет после него?

И виделось нам по дороге на совещание такое...

Все критики, вызванные из небытия в детской литературе письмом М. П. Прилежаевой в «Литературной газете», один за другим выходят на трибуну. Они бьют себя в грудь, рвут волосы, устыжённые, клянутся ступить на стезю Белинского. Они просят прощения, что не совсем закончили к совещанию огромные статьи, исследования, рефераты о детской литературе. Переняв процедуру только что закончившегося экономического совещания, редакции толстых журналов тут же заключают сделки, закупая «на корню» критические статьи. «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», которые, как известно, в прошлом году, например, даже и не заметили, что вся страна отмечала десятилетие со дня гибели Гайдара, теперь расхватывают статьи и тискают их в майские номера.

Детские писатели, учителя и пионервожатые после совещания ходят по московским улицам, обнявшись по трое, и со смехом вспоминают о тех временах, когда у них (трудно поверить!) были какие-то взаимные претензии и обиды.

«Известия» в отделе «Новые открытия» помещают статью «У нас есть детская литература».

«Комсомольская правда» выпускает специальный номер, посвящённый детской литературе, с передовицей «Недопустимое молчание» и большой статьёй «5 лет ожиданий, 1001 ночь сомнений и 31 день Алексина». Всё это печатается под рубрикой «В последний час»...

Академия педагогических наук издаёт пятитонный (вероятно, пятитомный? — *Ред.*) учебник «История и теория советской детской литературы».

Детгиз, окончательно уверившись в значении пионерской темы, запускает в производство десяток новых книг молодых авторов, в том числе тех, которые стали уже немолодыми за то время, пока их рукописи ходят по Детгизу...

В Союзе писателей вместо столов для заседаний ставят письменные столы, напоминая писателям о забытых литературных занятиях. Результаты немедленно сказываются.

К. Симонов сдаёт Детгизу обещанную два года назад детскую повесть о Китае. Увидя, какой успех имеют повести с продолжением, В. Осеева, закончив третью часть «Васька Трубачёва и его товарищей», садится писать четвёртое произведение: «Василий Трубачёв и его внуки». А. Барто, не удовлетворившись поэмой «Тебе 14 лет», начинает писать цикл стихов под названием «Вам стукнуло сорок». Н. Носов пишет продолжение повести «Витя Малеев в школе и дома» под названием «Товарищ Малеев на работе и дома в весёлой семейке». Не отставая от них, С. Михалков наращивает главы и возраст своего известного героя «Дяди Стёпы», превращая его в «Дедушку Степана» и тем самым обретая снова «Потерянный дом». Степан же Злобин, наоборот, возвращается в лоно детской литературы, перерабатывая свой роман «Степан Разин» в историческую повесть для детей «Дядя Стёпа Разин»...

Вдохновенный и неутомимый С. Маршак продолжает увеличивать свой поэтический «Багаж». Во всём, даже в телефонном звонке, он слышит голос поэзии. Он способен опоэтизировать и книгу абонентов телефонной сети. И здесь он найдёт чудесные образы от «А» до «Я» и книгу закончит таким лирическим четверостишием:

«По проводам с утра мы
Шлём телефонограммы.
На проводе — от А до Я —
Весь день-денской Маршак С. Я.».

А. Мусатов после совещания принимается за надстройку десяти этажей своего «Дома на горе», дабы превратить его в высотное здание в соответствии с новыми требованиями.

В. Катаев, переходя с одесской темы на московскую, пишет пионерскую повесть «Гавриков переулок».

Автор «Старой крепости» В. Беляев берёт штурмом «Новую крепость» вместе со всеми своими известными однофамильцами (С. Беляевым и др.).

Драматург В. Любимова после совещания преодолевает равнодушие драмсекции ССП, которая до этого интересовалась детскими пьесами, как позапрошлогодним «Снежком».

И даже Министерство кинематографии выпускает несколько фильмов для детей, которые берут на тарзан (вероятно, на таран? — *Ред.*) тематику трофейных фильмов...

А Детгиз издаёт восторженно встреченную педагогической общественностью новую книгу, в которой два мальчика подрались (!) без вмешательства редактора, молодая учительница полюбила (?) и вышла замуж (!?), один дядя оказался не совсем хорошим (!!!), а другая тётя, тоже взрослая, выведена не совсем положительной (???).

Необычайно пышного расцвета достигают в детской литературе темы, так сказать, водного хозяйства.

К. Паустовский празднует «Рождение моря».

«Два капитана» В. Каверина, привыкшие к бурям в открытом море, справляются с трудностями «Открытой книги» и идут твёрдым курсом к новым берегам.

А. Ганайзер вынуждена изменить название своей книги «Река в пустыне», так как книга её уже не глас вопиющего в пустыне на той библиотечной полке, где должны стоять хорошие детские книги о великих стройках. Полка эта успешно заполняется.

М. Прилежаева, прочно заняв командную высоту «Над Волгой», видит уже не только поставленные Н. Дубовым «Огни над рекой», но создаёт в комиссии по детской литературе такое положение, при котором любой писатель, даже если он живёт «На краю земли», чувствует: «С тобой товарищи»...

В результате всего этого И. Ликстанов, у которого не так давно коса нашла на «Зелён-камень», снова успешно восстанавливает своё доброе «Первое имя».

И. Василенко, чьи «Петушки» пропели ку-ка-реку, не совсем одобренное критикой, верный своей путеводной «Звёздочке», отважно пускается в просторы новых тем.

И, наконец, я сам, по настоянию министра просвещения И. А. Каирова, высказанному им во всеуслышание на сессии Академии педагогических наук, сажусь за повесть «Дорогие мои девчонки».

Но вот звонок! Пора за дело, в дорогу! Довольно мечтать!

СОВРЕМЕННАЯ ПЬЕСА НА ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ТЕМУ

Рис. Г. ВАЛЬКА

1-й акт. На производстве.

2-й акт. Дома.

3-й акт. Встреча с любимой девушкой.

4-й акт. Свадьба.

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ...

В ОДИН из осенних дней прошлого года сослуживцы от души поздравляли инженера службы пути Горьковской железной дороги Ивана Иосифовича Коренкова с пятидесятилетием его работы на транспорте. Все желали ему доброго здоровья.

Это пожелание сослуживцев совпадало с сокровенными мыслями Ивана Иосифовича: полвека службы, да и лета давали о себе знать.

«Отдохнуть, подлечиться — и ещё надо послужить»,— решил он и написал начальнику врачебно-санитарной службы дороги Шалавину просьбу: проверьте, дескать, моё здоровье и определите, на какой курорт ехать, какой режим соблюдать, чтобы дольше послужить любимому делу. Однако тов. Шалавин смолчал, не ответил.

И только после вмешательства министерства тов. Шалавин взялся за обследование здоровья Коренкова. Иван Иосифович был вызван в узловую поликлинику. С ним беседовали, записывали жалобы, готовились поставить диагноз.

Но пока готовились, из Москвы пришла телеграмма: «Направьте больного Коренкова Москву через эвакопункт МПС Каланчёвская 31».

Как не обрадоваться старому железнодорожнику такой чуткости Главсанупра? Сел он в поезд и прибыл в Москву.

Первое, чему удивился в Москве Иван Иосифович, были носилки, в которые просили его лечь заботливые медики. Лишь после настоятельных уговоров: так, мол, надо — он лёг в них.

«Что поделаешь! Забота о живых людях!» — думал старый путеец. В карете «Скорой помощи» он был доставлен в Московскую центральную рентгено-радиологическую больницу МПС.

На следующий день инженера Коренкова просвечивали, облучали, потчевали лекарствами, спрашивали, как он дышит, не чихает ли. На второй — повторили всё это с удвоенным усердием, на третий — шептались по-латыни, на седьмой — снова облучали и с тревогой спрашивали о том, как он дышит, не кашляет ли. На вторую неделю И. И. Коренков, не зная, что у него за болезнь, от страха потерял аппетит. В начале третьей недели пребывания в больнице решил он поговорить с врачом по душам. Пришёл в кабинет. Сел. Спросил:

— Скажите, доктор, чем я болен?

— Мы окончательного диагноза ещё не поставили, но, по данным Горьковской поликлиники, дорогой Алексей Фёдорович...

— Позвольте, почему «Алексей Фёдорович»? Тут что-то не то.

— Как «не то»? Читайте направление: «Алексей Фёдорович Коренков, 53 лет. Стрелочник ст. Денисово...» — перечислял врач.

— Я Иван Иосифович Коренков. Инженер. Мне 67 лет! — воскликнул Иван Иосифович.

...Пока старый путеец Иван Иосифович Коренков окружался чуткостью московских рентгенологов, его серьёзно больному однофамильцу стрелочнику ст. Денисово Алексею Фёдоровичу Коренкову был прописан лёгкий отдых в доме отдыха «Зелёный город» близ города Горького.

— Вам, товарищ Коренков, нужен покой, прогулки на свежем воздухе по лесу. Гуляйте, питайтесь, поправляйтесь! — уговаривали стрелочника в доме отдыха.

А через четыре дня Алексей Фёдорович на машине «Скорой помощи» в тяжёлом состоянии из дома отдыха был доставлен в горьковскую больницу. Перепутал Леонид Климентьевич Шалавин двух Коренковых. Перепутал — и ничего, будто так и надо.

На этом можно было бы закончить печальный сказ о необычных приключениях двух Коренковых. Но этого не позволяет сделать начальник службы пути Горьковской дороги Виктор Иосифович Ганкевич, который всего полгода назад тепло пожимал руку старого инженера-путейца. По возвращении Ивана Иосифовича Коренкова из больницы он уволил его с работы, «поскольку по состоянию своего здоровья» он, Коренков, «не может выполнять обязанности». И неизвестно, как скоро будет исправлена новая бюрократическая ошибка в диагнозе «болезней» Ивана Иосифовича Коренкова.

Л. ИВАНОВ

г. Горький.

ЗАБОТА О НАЧАЛЬСТВЕ

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Минуем этот отсталый колхоз и поедем прямо в передовой! У Ивана Ивановича нервы не в порядке!

Александр ГАТОВ

Два ПАМЯТНИКА

Они
Над шумливым бульварным кольцом
Стоят,
Повернувшись друг к другу лицом.

По-новому
Пушкин и Гоголь живут
В Москве,
Облюбованной издавна.
Прославлен народом
Их гений, и труд,
И всё, что написано,
Издано.

Они не стоят,
А друг к другу идут
Навстречу,
Как в жизни бывало,
И счастливы тем, что их любят и чтут,
И тем,
Что с их Родиной стало.

И молоды оба —
Отчизне верны
И городу восьмисотлетнему.
И оба
Достаточно закалены:
Без шляп и в крылатках —
по-летнему!

И. КОСТЮКОВ

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

ОБХОДЯ стороной лужи, а временами перепрыгивая через них с разбега, по заводскому двору домой на обед шёл начальник отдела снабжения Серафим Кузьмич Емелин и любовался картинами наступающей весны. Как и большинство очень занятых людей, Емелин в обычное время не баловал природу своим вниманием. Но сегодня, по случаю получения квартальных фондов, его интересовало всё: и будто заново выкрашенное небо, на которое неведомый маляр не пожалел лишней синьки, и юркие воробьи, что сидели на припёке и клювами прихорашивали свой наряд, и бессчётное количество солнц, из которых только одно находилось вверху, а остальные словно подсвечивали снизу, из каждой лужи, из каждого ручейка.

Возле механического цеха Емелина привлекла новая интересная картина: по почерневшему проезду вразвалку гулял грач.

— Ах, летун ты этакий! — умилился Серафим Кузьмич, любуясь крылатым посланцем весны.— Значит, прилетел, припожаловал? Так, так, молодец! Теперь отдыхай, поправляйся. А то ишь с дороги какой худющий-то! Небось, и есть хочешь. Только уж ты, брат, извини, червячков-то пока нет, рановато ещё. Ты, знаешь что, летел бы на хлебозавод или к элеватору! Там ещё туда-сюда, то зёрнышко, то ещё что-нибудь найдёшь. А здесь что? Здесь заклёпку или гайку клевать не будешь.

Как бы желая удостовериться, что перелётной птице действительно нечего клевать на дворе металлообрабатывающего завода, Емелин посмотрел под ноги и вокруг себя. На проталинах и по снегу то там, то сям валялись болты, шайбы, большие и малые обрезки металла: круглого, гранёного, полосового, листового. А возле самой стены механического цеха лежала препорядочная куча углового железа, которое на языке слесарей и снабженцев звалось просто «уголком». Железо было покрыто рыхлым, мокрым снегом, и только с одной стороны из почерневшего сугроба выпирали бурые концы его.

— Э, да ведь это — хозяйство Ивана Яковлевича! — с удивлением сказал Емелин, чем незамедлительно спугнул грача, который сделал несколько прыжков, взмахнул крыльями и полетел.— Да, точно, его бесхозяйственное хозяйство. С самой осени тут ржавеет. Тонн пятнадцать, поди, будет... если не больше.

И, приподняв полы своего пальто, Серафим Кузьмич поочерёдно, то одной, то другой ногой стал раскидывать снег с железа.

— Просит, клянчит, жалуется, что ему не хватает материалов — и вот тебе, пожалуйста, целые залежи! — ворчал он по адресу начальника цеха, старательно перебирая ногами.— И после этого у человека хватает совести призывать других к экономии! А! И есть ли у него хоть на копейку чувства государственной бережливости?

— Коршун, коршун, что ты роешь? — Емелин не заметил, как к нему подошёл секретарь партийной организации Кириллов и, прикрывшись от солнца ладонью, следил за его необычным занятием.— Аль копеечку нашёл? Впрочем, Серафим Кузьмич, сам вижу, тут не копеечкой пахнет. Чьё это?

— Понимаешь, Василий Васильевич,— преодолевая одышку, ответил Емелин.— Сколько раз по-дружески говорил Ивану Яковлевичу: «Убери под крышу или сдай на склад. Ведь портится здесь». Да что там я — о нём, как вы помните, и газета писала, а ему всё как с гуся вода! Ничем не прошибёшь. Ну, что вы на это скажете, а, Василий Васильевич?

— Спесь из него надо вытряхивать — вот что я скажу, — ответил секретарь, носком сапога делая запруду на ручейке.— Знаешь, как хозяйки из одеяла пыль вытряхивают? Вот и он такой же встряски просит. Ну, да ничего! Общими силами образумим Ивана Яковлевича. Кстати, сегодня на партбюро его доклад слушаем. Там поговорим обо всём: и о спеси, и о работе, и о бережном отношении к материалам. Если желаешь, заходи, послушай.

— Спасибо, Василий Васильевич, обязательно зайду,— Емелин поймал руку секретаря и долго тряс её обеими руками.— И не только буду слушать, но и выступлю.

С этого момента Серафим Кузьмич забыл и про голубое небо, и про каркающих грачей, и про остальные приметы наступающей весны. Шагая прямо по лужам, он торопился домой обедать, на ходу обдумывая план своего выступления.

— Начну с вопроса борьбы за экономию металла,— рассуждал он вполголоса, чем привлекал к себе внимание прохожих.— Перво-наперво, коснусь важности этого мероприятия, второе, укажу на необходимость бережного расходования металла, третье, — учёт и контроль, четвёртое... В общем, поговорить есть о чём. Уж после этого Ивану Яковлевичу волей-неволей придётся засучивать рукава и выправлять недостатки.

И, потирая руки, Серафим Кузьмич представил, как во время его выступления начальник цеха сперва кисло улыбнётся, затем беспокойно заёрзает на стуле, а потом с присвистом вздохнёт и опустит голову.

— Ничего, Иван Яковлевич, ничего! — подмигнул Емелин солнечному зайчику, который трепетал на теневой стороне дома.— Товарищеская критика, друг мой, она лучше всякого душа освежает! Она, брат, любого зазнайку в люди выведет! Да и польза от этого будет и тебе и делу. Вот оно что значит товарищеская критика-то!

Дома, пока жена подогревала обед, Серафим Кузьмич даже пытался проделать нечто вроде репетиции своего выступления. Он обеими руками опёрся на спинку стула, обвёл глазами потолок (точно так же, как делает главный инженер Фёдор Иванович) и, помолчав с минуту, начал:

— Товарищи, я не буду повторять правильные слова предыдущих ораторов. Они дали резкую, но справедливую критику недостатков Ивана Яковлевича. Мне же хотелось бы указать Ивану Яковлевичу...

— Да, Сима! — перебила оратора жена Аня, неся в одной руке тарелку с супом, а в другой прибор.— Утром ко мне забежала жена Ивана Яковлевича — Тамара — и очень, очень просила быть у них сегодня вечером. У неё день рождения, тридцать восемь лет исполнилось и... словом, приходи пораньше.

— День рождения... Тридцать восемь?..— не то повторил, не то переспросил Емелин, а потом взял стул, перевернул его и зачем-то потрогал ножки, будто желая убедиться, не расшатались ли они.— Не могу. У меня заседание... У Ивана Яковлевича тоже...

— Ах, боже мой! Человеку один раз в жизни тридцать восемь лет исполняется, а у них заседание! Ну, вы как-нибудь отпроситесь... или уж как там ещё, я не знаю.

Почуяв запах пригорелого мяса, Аня опять убежала на кухню, а Серафим Кузьмич стал искать выход из создавшегося довольно неприятного положения.

— День рождения, будь он неладен!.. Заседание!..— бормотал он.— И дёрнуло меня напрашиваться на это выступление! Подумаешь, новоявленный Цицерон объявился! Сидел бы себе в уголке да посвистывал носом, глядишь, всё обошлось бы без тревог и волнений. А теперь вот... Если, допустим, я выступлю, Иван Яковлевич обидится, значит, в гости — каюк, идти не придётся. Если не выступлю, то... то парторг да и все люди чёрт знает что могут подумать. Если... Нет, видно, придётся отказаться!

— От чего отказаться? — спросила вошедшая Аня.— От гостей?

— Да нет, вообще, ото всего... И от обеда в том числе. Да, да. Понимаешь, я так не могу! Пришёл обедать, а ты мне весь аппетит испортила.

Емелин встал, с шумом задвинул стул под стол и начал одеваться.

— А ложку-то зачем в карман положил? — спросила ничего не понимавшая жена.

— Какую ложку? — Серафим Кузьмич ощупал грудной карман и с огорчением убедился, что действительно рядом с автоматической ручкой покоится мельхиоровая столовая ложка.

Не отвечая больше на вопросы жены, он вышел на улицу и только теперь застегнул пальто. Настроение было отвратительное. Хотелось хоть на ком-нибудь отвести душу.

А тут ещё весна будто заигрывала с ним: обдувала лёгким ветерком, ослепляла солнцем, перезванивала ручейками. В городском саду над старыми тополями гомонили грачи. Они то взлетали вверх, то снова садились на лохматые гнёзда и при этом поднимали такой крик, от которого Серафиму Кузьмичу становилось ещё хуже.

— Раскаркались, пропасти на вас нет! — ворчал он, косясь на грачей.— Ну, что горло дерёте, чему возрадовались? И так покоя себе не найдёшь, а тут ещё вы: карр-карр! Вот взять бы сейчас двустволку да пугнуть вас как следует, тогда узнали бы, как без толку каркать!

Как Емелин выступал на бюро, всё ли было сказано, о чём хотел сказать, он ничего не помнил. Запомнились только речи директора да секретаря партийной организации, которые, так же как и он, раскритиковали начальника механического цеха Ивана Яковлевича.

После заседания Серафим Кузьмич процедил сквозь зубы прощальное «пока» и пошёл домой. Но у проходной он услышал простуженный басок Ивана Яковлевича:

— Серафим Кузьмич! Обожди-ка!

«Сейчас он мне скажет, почём на базаре картошка!»

— Ты что же, голубчик, молчком уходишь? — спросил Иван Яковлевич, подхватывая Емелина под руку.— Раскритиковал меня в пух и прах — и скорей наутёк!

— Да я, видишь ли... простыл, наверно, что-то нездоровится.

— В таком случае пойдём ко мне лечиться. Сегодня у Тамары день рождения, а посему есть причина выпить. И за её здоровье и себе на полное здоровье... Словом, пошли, нас там ждут. А что касается железа, так завтра же сдам его на склад.

В этот вечер Емелин сделал вывод, что не стоит бояться того, чего совсем не следует бояться.

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Драматург Фитюлькин

Писатель Фитюлькин садится за пьесу...
Но это — уже завершенье процесса.
Рассмотрим с начала несложный процесс —
Процесс появленья фитюлькинских пьес.

Привыкли считать по своей простоте мы,
Что должен писатель вынашивать темы,
Но что до героя до нашего,
Он тем никогда не вынашивал.

Вот, скажем, стряхнув с «Декламатора» пыль,
Прочёл он старинный один водевиль.
Пленил водевиль драматурга, и вот
Фитюлькин воскликнул:
«Сюжет подойдёт!
Его только надо почистить чуть-чуть,
Слегка обновить
И к селу повернуть,
Назвать эту пьесу «Заря» иль «Восход»,
А тема по ходу работы придёт.
Граф станет двухсотником и активистом,
Графиня — дояркой,
Виконт — трактористом,
Банкира я сделаю завом райфо,
Маркизу де Бош — секретаршей его.

Хоть перелицованы главные лица,
Но всё ж за работу не стоит садиться,
Покамест для пьесы ещё не готова
Солидная почва,
Успеха основа».

И вот распускает он слух повсеместно,
Что им-де написана нужная пьеса,
Рассчитана пьеса на МХАТ специально.
Она эпохальна
И монументальна,
Её кое-кто кое-где прочитал
И высказал ряд актуальных похвал.

Он едет в одну из редакций, где, кстати,
Бесплатно всегда выступал в День печати,
И там атакует стремительно прессу,
Чтоб та написала,
Что создал он пьесу;
Затем он стремится в «Вечёрку» пробиться...

А пьеса? За пьесу он всё ж не садится.

Он переживает
Эпоху молчанья.
Он скромно молчит в ССП на собраньях,
Хотя по натуре своей,
Видит бог,
От скромности он умереть бы не мог.

Причина молчанья ясна без сомненья:
Не хочется портить ему отношенья.
Испортишь,
А мир театральный так тесен,
И это потом отразится на пьесе.
Нет, лучше Фитюлькин пока отмолчится:
Ведь скоро придётся за пьесу садиться.

Не зря повторяют все критики дружно,
Что знанье людей для писателя нужно;
Ну что ж, по теории стройной своей
Фитюлькин по-своему знает людей:

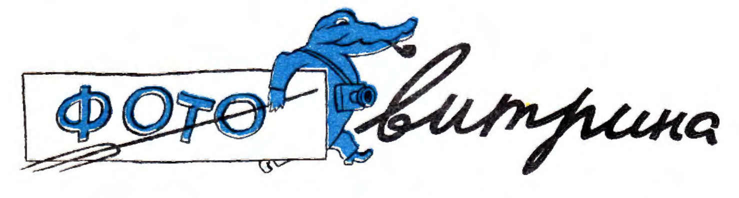
Бывал на курортах с Петром Кузьмичом он,
С Марией Петровной домами знаком он,
И ни для кого, наконец, не секрет,
Что даже к Петрову он вхож в кабинет.

И вот наступает знакомых черёд —
Когорту знакомых пускает он в ход,
Чтоб в нужных местах эти люди шумели...

Он ночью встаёт торопливо с постели,
Чтоб чиркнуть во тьме на коробке «Казбека»
Фамилию
Нужного человека,
Который рассказывал где-то о том,
Что был он с женою главрежа знаком.

Труды наконец-то дают результат:
О пьесе Фитюлькина все говорят,
К ней все режиссёры полны интереса
(Им очень нужна эпохальная пьеса!),
Актёры к Фитюлькину ломятся в дверь,
Звонят из театров известные лица...

Да, почва готова уже!
И теперь
Писатель Фитюлькин
за пьесу
садится.

ЗАБАВЫ СВЯЗИСТОВ

Некоторые работники телеграфа придумали весьма забавную игру. Чтобы иметь о ней представление, взгляните на эту фотографию:

Министерство Связи СССР
ТЕЛЕГРАММА
КУЙБЫШЕВ ОБЛАСТНОЙ
КУЙБЫШЕВЭНЕРГО МАТЮНИНУ=
МОСКВЫ 66/29301 20 4 2223=
ВОПРОСУ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛОГО ПЯТИЭТАЖНОГО ДОМА СЕДЬМОГО
АПРЕЛЯ ВЫЕЗЖАЮТ ВАМ АРХИТЕКТОР БРРВДА ИНЖЕНЕР ЯЦУМИРО
2166=ТЕПЛОЭЛЕКТРОПРОЕКТ КОРОВКИН—
Н НР 66/29301 :: АРХИТЕКТОР БРРВДА ИНЖЕНЕР— ТК МОСКВА
И ТВЕРДИТ ГРИТ ВЕРНО БРРВДА ТК

Игра, как видите, очень проста. Берётся какая-нибудь фамилия, искажается до неузнаваемости и в таком виде воспроизводится на телеграфном бланке. При попытке проверить правильность фамилии связисты дружно хлопают в ладоши и бодро восклицают:

— И твердит грит верно Бррвда!..

Вот и всё. Очень жаль, что телеграфисты предпочитают играть в такую игру во время работы, а не в часы досуга.

НЕ МЫТЬЕ, А КАТАНИЕ

Город Игарка. Подумать только: совсем недавно было там... Да, собственно говоря, ничего там не было — Полярный круг и пятьдесят градусов мороза. А теперь? Город, порт, промышленность, клубы, библиотеки... А вот бани в новой Игарке нет. Как пишут оттуда, строить её горсовет не собирается, не желая тратить время на пустяки.

Однако пустяк ли это? Как сказать!

Возьмите село Радищево, Ульяновской области. Там за постройку бани взялись ещё в 1945 году. С тех пор в сельсовете сменилось пять председателей, и все они принимали деятельное участие в строительстве.

В 1945 году тов. Фёдоров приобрёл готовый сруб и привёз его на место. Следующий председатель, тов. Сергеев, успел выстроить около бани уборную. Но тут в 1949 году на его место пришёл тов. Платонов и решил, что баню строят не на том месте. Разобрали стены, перевезли на другое место, собрали — глядишь, и полномочия кончились. Новый председатель, тов. Корнилина, тоже не согласилась со своим предшественником. По её указанию баня покатила на новое место.

В нынешнем году тов. Левин размышляет, как бы ему проявить свою деятельность, хотя бы не мытьём, так катанием бани с места на место.

Вот вам и пустяк! Семь лет строят, а выстроить не могут. Так что с оценкой тут надо быть поосторожнее, как, например, осторожно пишут в коллективном договоре руководители Юго-Восточной железной дороги:

«Капитально отремонтировать баню на станции Графская, ассигновать..... (точки) рублей. Срок окончания ремонта..... (точки)».

Дескать, поживём — увидим, как дело обернётся. Но дело никак не оборачивается, и для всего населения станции Графская имеется баня размером 6 на 4 метра, да и та работает два дня в неделю.

— Где же мыться? — спрашивают железнодорожники.

— А где хотите! — остроумно отвечает радушный заведующий баней тов. Воронин. — Чем вопросы задавать, прокатились бы в Воронеж, сорок километров всего!

Так что в селе Радищеве катается сама баня, а на станции Графская — люди, желающие посетить баню.

В обоих случаях мытья нет. Есть только катание и перекатывание серьёзного вопроса.

Д. МОРОЗОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛИ ИЗ ЧИКАГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Чикагский университет снова пришёл на помощь бизнесменам своим изобретением. Последним шедевром научной мысли профессоров этого университета является «измеритель морального уровня рабочего». Газета «Нью-Йорк таймс» высоко оценила новый прибор. Это первый, по словам газеты, «стандартный измеритель факторов, начиная с условий труда рабочего и его отношений с наблюдающим за ним персоналом, кончая такими неосязаемыми явлениями, как положение рабочего и возможности его обеспечения в будущем». Профессор Дандербек, описывая в той же газете устройство своего детища, рассказывает, с помощью каких вопросов измеритель определяет моральный уровень рабочего.

Мы приводим здесь ответы и замечания автомобильного рабочего Арча Фарча, который прошёл проверку своего морального состояния с весьма высокими отметками, причём не погрешил перед истиной:

«Всегда ли стоит хозяин за моей спиной, наблюдает ли он за мной всё время? Вовсе нет. Мой хозяин никогда не стоит за моей спиной. Да и как он может наблюдать за рабочими постоянно, если бо́льшую часть времени проводит на французской Ривьере? Правда, он нанимает человека, который наблюдает за нами, но ведь он нанимает также и другого человека, который стоит за спиной первого наблюдателя. Вот почему моё моральное состояние такое отличное.

Делает ли всё возможное администрация компании, чтобы обеспечить справедливое увольнение рабочих? Абсолютно верно. Я ни разу не увольнялся в разгар сезона, исключая периоды сезонного сокращения производства. В периоды спада производства меня никогда не увольняли без предупреждения минимум за четыре минуты. Стоит ли удивляться, что моё моральное состояние всегда превосходное?..

Чувствую ли я себя как бы частью корпорации? Без сомнения. Каждое утро, когда я миную проходную будку, совет директоров корпорации приветствует меня с балкона возгласами: «Будь благословен, Арч!» Руководители провожают меня до сборочного конвейера. Я являюсь такой важной частью корпорации, что заводская стража охраняет меня, как зеницу ока. Совет директоров корпорации не зависит от меня лишь в периоды сокращения производства, увольнений и переоборудования предприятия для выпуска новых моделей автомобилей. Поэтому уровень моего морального состояния исключительно высок.

Правда ли, что моя работа однообразна и неинтересна? Отрицаю эту нелепость. Я люблю завинчивать гайки. Каждый день я нахожу что-нибудь новое и вдохновляющее в операции по завинчиванию гаек. Это доставляет мне особенное удовольствие, так как я знаю, что мы, автомобильные рабочие, производим автомобили не для себя, а для корпорации. Это показывает также, что мы выполняем эту работу из любви к вещи, а не ради каких-либо интересов, вроде приличного жизненного уровня и отдыха. Когда я дома, я ужасно беспокоюсь, хорошо ли другие завинчивают гайки. Я просто не могу дождаться момента, чтобы снова отправиться к конвейеру. Разве это не свидетельство того, что моё моральное состояние не оставляет желать лучшего?»

Решив столь сложную проблему, чикагский университет, надо полагать, попытается изобрести такую удивительную машину, которая будет не только равнодушно фиксировать настроения рабочих, но и «производить» их «высокое моральное состояние».

Тэд ТИНСЛИ
(Перевод с английского)

•

ДРЯНЬ У ПАМЯТНИКА

РИМ (от соб. корр. Крокодила). В селении Винчи, близ Флоренции, где родился Леонардо да Винчи, в дни празднования пятисотлетия со дня рождения великого итальянца была устроена официальная церемония. В ней приняли участие генеральный директор ЮНЕСКО Торреса Бодета, видный деятель христианско-демократической партии Марацца и другие.

Перед памятником Леонардо да Винчи председатель совета министров де Гаспери произнёс речь, в которой заявил: «Сегодня мы проводим политику согласия и единства между народами Италии, Франции и других стран. Леонардо, как человек европейской культуры, высоко оценил бы эту политику».

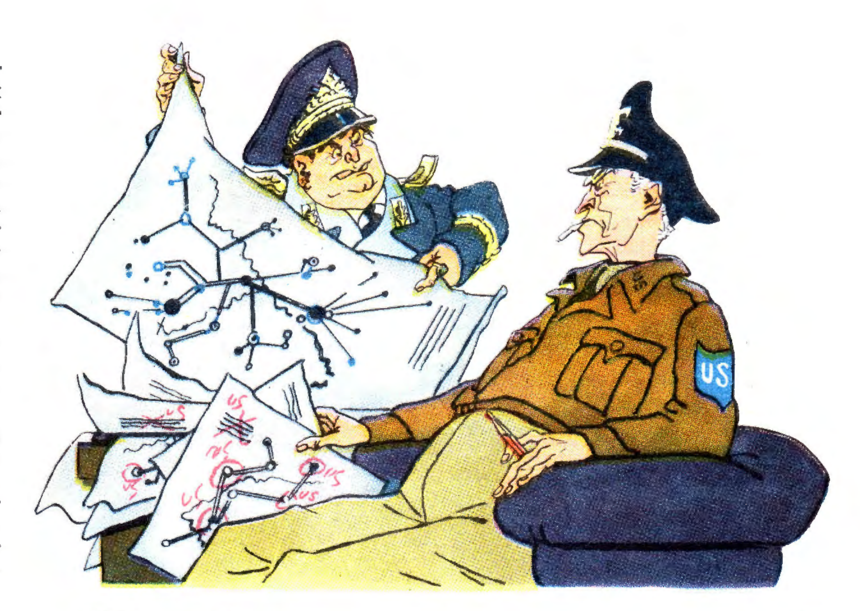
Четыре с половиной века тому назад Леонардо высоко оценил эту политику, изобразив в картине "Тайная вечеря" Иуду-предателя с мешком долларов в руке. **(Анахронизм! В те времена курс на продажность расценивался в другой иностранной валюте. — Примечание редакции.)**

В связи с этим чествованием невольно вспоминаются слова городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «...только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник... чорт их знает откудова и нанесут всякой дряни!»

После официальной церемонии итальянские патриоты тщательно очистили памятник Леонардо от нанесённой дряни.

К СНИЖЕНИЮ ЦЕН В ЮГОСЛАВИИ

Рис. Б. ФРИДКИНА

ТИТО: — Мы готовы, сэр, уступить нашу территорию для строительства ваших баз на двадцать процентов дешевле!

КОРОТКО, НО ЯСНО...

Обозреватель парижской газеты «Лез эко» Эмиль Робер так расписывает нынешнего премьера Франции Антуана Пинэ: это «человек, который не размахивает мечом, не отличается красноречием, а главное, не расточает угроз. Этот человек говорит простым языком — таким, каким говорили служанки в комедиях Мольера».

Сравнение, однако, не идёт дальше. Служанки в комедиях Мольера американцам, как известно, не прислуживали.

* * *

В будущем году состоятся выборы президента Филиппин. Недавно один из местных филиппинских деятелей выдвинул на этот пост нынешнего премьера Кирино. В ответ на это, воздев очи горе́, Кирино с благодарностью воскликнул: «Моё будущее находится в ваших руках!»

Вначале непонятно было, к кому Кирино обращался. Выяснилось, впрочем, что на собрании присутствуют американские советники.

* * *

Норвежская газета «Верденс ганг» опубликовала заявление американского советника при главном штабе военно-воздушных сил Норвегии Теллера.

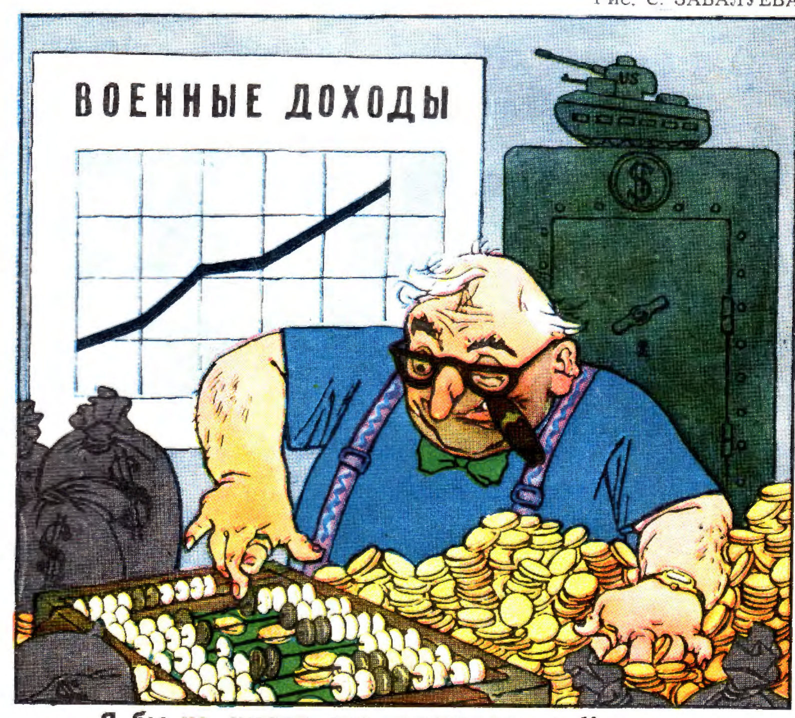
«Я занимаюсь психологией. Эффективность норвежских военно-воздушных сил может быть увеличена», — заявил он.

Не исключена возможность, что в скором времени Теллер заявит:

«Я занимаюсь логикой. Американские базы в Норвегии должны быть расширены».

ЗАИНТЕРЕСОВАННАЯ СТОРОНА

Рис. С. ЗАБАЛУЕВА

— Я бы не сказал, что переговоры в Корее проходят безрезультатно!

Рис. Л. БРОДАТЫ

Тайна мадридского двора...

...которая перестала быть тайной.

ВЕШНИЕ ВЗДОХИ

ВЕСНА, солнце, журчат ручейки, шелестит молодая листва, и дева поёт за холмом...

Собственно говоря, дева поёт не за холмом, а за океаном. Грустная песня льётся из её уст. Это песня о том, что тревожно ворчат пауки в банках и монополиях, что беспокойно шелестят газетные листы.

Что принесёт весна, эта особа, склонная к сентиментам? Не смягчит ли майское солнце сердца президентов и генералов, не начнут ли они перековывать мечи в орала и петь любовные серенады?

Обо всём этом поёт дева за океаном. Зовут её Сильвия Портер. В качестве обозревательницы по экономическим вопросам выступает она на страницах газеты «Нью-Йорк пост».

Внимание! Послушаем Сильвию Портер. Ведь лирика весной звучит особенно хорошо.

«Даже разговоры шёпотом о пакте и разоружении, — сообщает она, — повергают в трепет бизнесменов, банкиров и политических деятелей повсюду в стране».

В присутствии этих джентльменов осмеливаются говорить о мире, только притаив дыхание, только шёпотом. Но и шёпот плохо действует на их развинченные нервы.

«Эти люди опасаются, — разъясняет дева за океаном, — что любое значительное сокращение программы мобилизации (читай: гонки вооружений. — Г. Р.) приведёт нас к такому перенапряжению, к такому кризису, по сравнению с которым кризис 1929 года покажется пустяком...»

Весна, солнце, журчат ручейки, квакают лягушки, вздыхают торговцы смертью.

Люди с ума сошли! Они хотят мира! А как же быть с пушками, с бомбами, с танками? Как быть с военными прибылями? Гром и молния!

Это мистер Шилдс, вице-председатель одного из крупнейших нью-йоркских банков, мечет гром и молнию (весенняя гроза по-американски!) против борцов за мир.

— Если программа вооружения будет сокращена, — вопит почтенный банкир, — нам (то есть мистеру Шилдсу и его друзьям) придётся пережить немало неприятностей!

Надо, мол, бережней обращаться с капиталистами и не пугать их миром.

Нет, не соловьи поют на Уолл-стрите весной. Воют шакалы.

Хищники из американского журнала «Коммершл энд файнэншл кроникл» самым решительным образом призывают не ослаблять военного напряжения. Военный психоз — это бизнес, а бизнесом надо дорожить. Потому что «любое существенное ослабление международного напряжения» может привести к «резкому сокращению деловой активности», то есть к уменьшению военных прибылей во всех областях промышленности.

Казалось бы, что мебель — это одна из самых мирных отраслей производства. Ни стулья, ни этажерки не стреляют. Этим-то и были огорчены мебельные фабриканты.

Но вот некий Юджин Дикхут, добрая душа, решил утешить их. В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» он поместил бодрящую статейку, в которой пишет, что если вспыхнет новая мировая война, то она принесёт колоссальные прибыли владельцам мебельных фабрик. Не падайте духом, господа:

«Массовое разрушение домов в результате бомбардировок приведёт к быстрому возникновению спроса на мебель, который будет существовать в течение многих лет».

Итак, в ряды поджигателей включаются и фабриканты мебели. Мебельным форрестолам снятся бизнес-сны: разрушенные дома, раскрошенная мебель и пышное цветение дивидендов.

Но, видимо, придётся расширить ассортимент их продукции, о чём уж позаботятся рабочие этих предприятий. Наряду с буфетами и столами будет заготовлена необходимейшая для поджигателей войны мебель — скамьи подсудимых нюрнбергского образца. Придётся им весной (а может, и в другое время года) на такой скамеечке посидеть да повздыхать...

Г. РЫКЛИН

Теоретики из торговой палаты

НЕДАВНО американская торговая палата проявила себя на новом поприще. Она выпустила в свет брошюру под хлёстким и вместе тревожным заглавием: «Коммунизм: какова наша сегодняшняя позиция?»

Эта свирепая брошюра предлагает ряд энергичных мер для усиления борьбы с коммунизмом в США и за границей.

До сих пор мы полагали, что этой борьбой ведают другие, более зловредные организации. Как видим, на этот раз с коммунизмом решила разделаться почему-то торговая палата. И приступила к этому со всей коммерческой живостью.

Прежде всего авторы брошюры пожелали выяснить основной вопрос: проектирует ли Советский Союз «агрессивную войну против США и стран Атлантического пакта» или же он ограничится «войной в области пропаганды»?

Поставив перед собой этот удручающий вопрос, авторы брошюры тут же со вздохом признались, что решить его они не берутся.

Казалось бы, дальше и огород незачем городить, если авторы запутались в первом же вопросе и не смогли дать читателю какого-то стратегического ориентира. Однако деятельный характер коммерсантов не позволил им на этой недомолвке закончить только что начатое сочинение. Пылкий темперамент в сочетании с усердием повлёк их дальше — в запутанный лабиринт других вопросов.

Для разбега они «разоблачили» деятельность коммунистов и «выяснили» причину роста коммунистических партий.

Сквозь все их торопливые и сумбурные речи проскальзывает панический страх перед коммунизмом. То и дело теоретики из торговой палаты в отчаянии восклицают:

«Уровень жизни миллионов людей является весьма низким. Надежды разбиты! Дальнейшие жертвы неизбежно толкнут многих людей в ряды и без того больших коммунистических партий».

После таких печальных выводов авторы брошюры всё же находят в себе силы что-то такое порекомендовать властям. В разделе «Внутренний враг» коммерсанты в неистовстве перечисляют учреждения, где не должны работать коммунисты:

«На любом заводе, в любой школе или в университете, в любой газете, на радиостанциях, на телевизионных станциях, в книжных и журнальных издательствах, в научно-исследовательских институтах, а также в любой области, которая увеличивает престиж или даёт большой заработок коммунистам...»

С яростью перебрав почти все учреждения, авторы брошюры горячо советуют поскорей «искоренить коммунизм в США». На меньшее они не рассчитывают и на этом радикальном пожелании заканчивают своё истерическое сочинение.

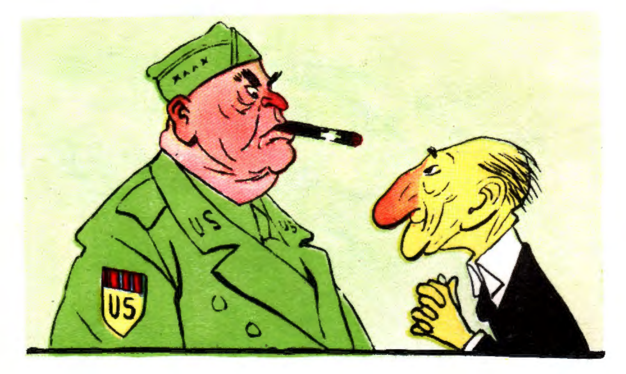
Возникает естественный вопрос: почему именно торговая палата выступила с этими воинственными криками? Дело не только в том, что органы, ведающие борьбой против коммунизма, основательно провалились и завязли со своей пропагандой. Деятели американской коммерции тонким нюхом бизнесменов учуяли, что Международное экономическое совещание разоблачит их шулерские торговые приёмы и выведет их на чистую воду. Твёрдые призывы к ликвидации драконовских запретов и рогаток, к честной торговле и порядочности основательно их взбесили. А поскольку такие качества, как честность и порядочность, считаются в теперешней Америке крамольными и коммунистическими, коммерсанты и решили взвалить на себя непосильное бремя антикоммунистической пропаганды.

Рис. В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

М. ЗОЩЕНКО

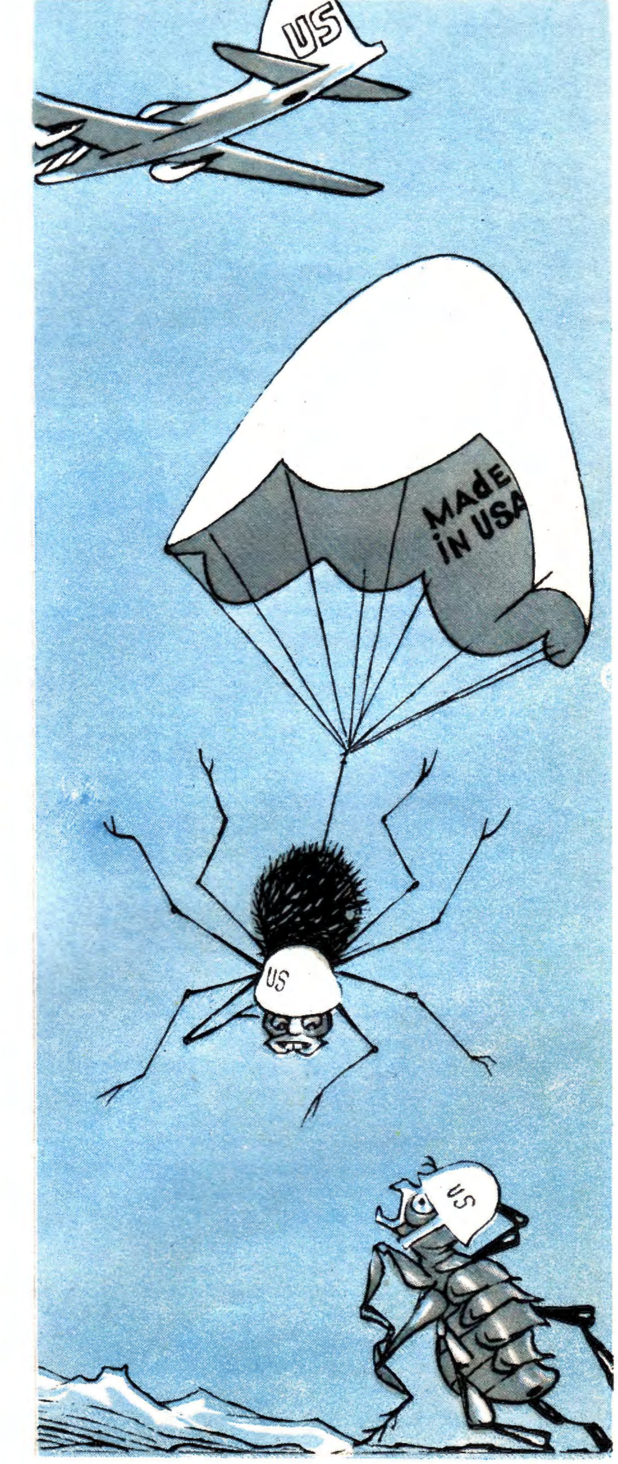
Рис. Е. АРГУТИНСКОГО

— Будьте спокойны, герр Аденауэр, вы избраны абсолютным большинством госдепартамента и Пентагона! Других выборов в Западной Германии мы не допустим!

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Ну, как там у нас в Белом доме!

Вл. МАСС,
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

„Обиженный"

Антон Фомич расстроен, болен...
Сидит, насупившись, как сыч.
Антон Фомич — увы! — уволен
И больше не Антон Фомич!

Часов в двенадцать, до обеда,
Приказ курьерша принесла,
И поздно вечером «Победа»
Его домой не отвезла.
Антон Фомич, бледней бумаги,
С кругами синими у глаз,
Пошёл домой...
Пришлось бедняге
В метро спуститься в первый раз!

Жена смущённо и неловко
Спросила лишь:
— Формулировка?
И он причину ей назвал,
Ответив коротко:
— Развал!

Сперва в душе его невнятно
Жила мечта: его поймут,
Его, наверное, обратно,
И очень скоро, позовут...
Но даже осознав крушенье,
Он вывод сделать не спешил,
Три дня обдумывал решенье,
Потом обидеться решил:

— Да, был развал! К чему скрывать?
Кого-то надо было снять.
Но я, простите, как хотите,
Не понимаю ничего...
Ведь у меня был заместитель,
И можно было снять его!
А если снять меня решили,
То почему в подобном стиле?

Могли ведь намекнуть, сказать
Мне что-нибудь такое, вроде:
«Мы очень просим вас подать
Нам заявленье об уходе».

Уже давно я наготове
Держал бумажку, чтоб вручить:
«По состоянию здоровья
Прошу меня освободить».

Они мой путь служебный знают,
Могли бы, кажется, учесть.
Меня не в первый раз снимают,
И опыт, слава богу, есть.

Меня снимали... но достойно,
Приказ карьере не вредил,
И к новой должности спокойно
Я, уходя, переходил.

Всё дело в форме увольненья.
Я сам не раз людей снимал
За воровство, за расхищенье,
За разгильдяйство, за развал,
Но я им предлагал заране
Мне написать в теченье дня:
По собственному, мол, желанью
Прошу... и прочее... меня...

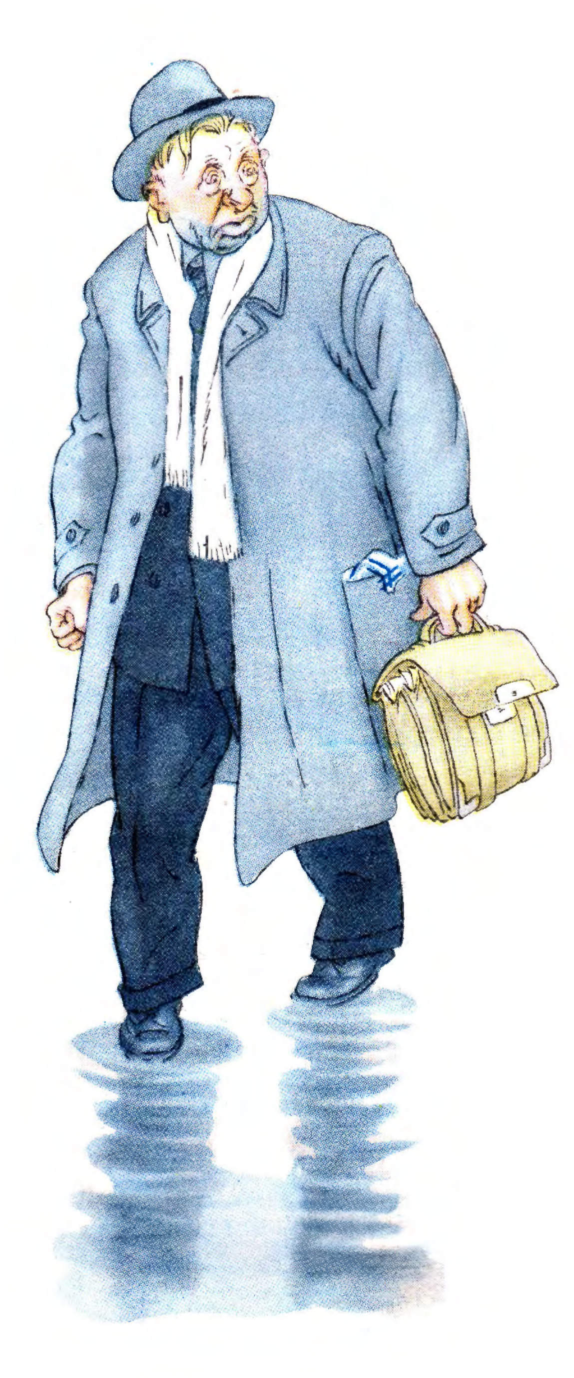

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

А тут так грубо, так жестоко!..
Приказ!.. Работу развалил!..
Понятно всё:
Интрига! Склока!
Кому-то я не угодил!..

Я изменить приказ заставлю!
На всех управу я найду!
За это дело, как за травлю,
Они ответят по суду!
И я добьюсь, добьюсь отмщенья!
Я их прижму!
Разоблачу!
Они ещё просить прощенья
Придут к Антону Фомичу!..

И вот герой наш в новой роли.
Его вы встретите везде:
В месткоме,
в главке,
в Госконтроле,
В прокуратуре,
в нарсуде...

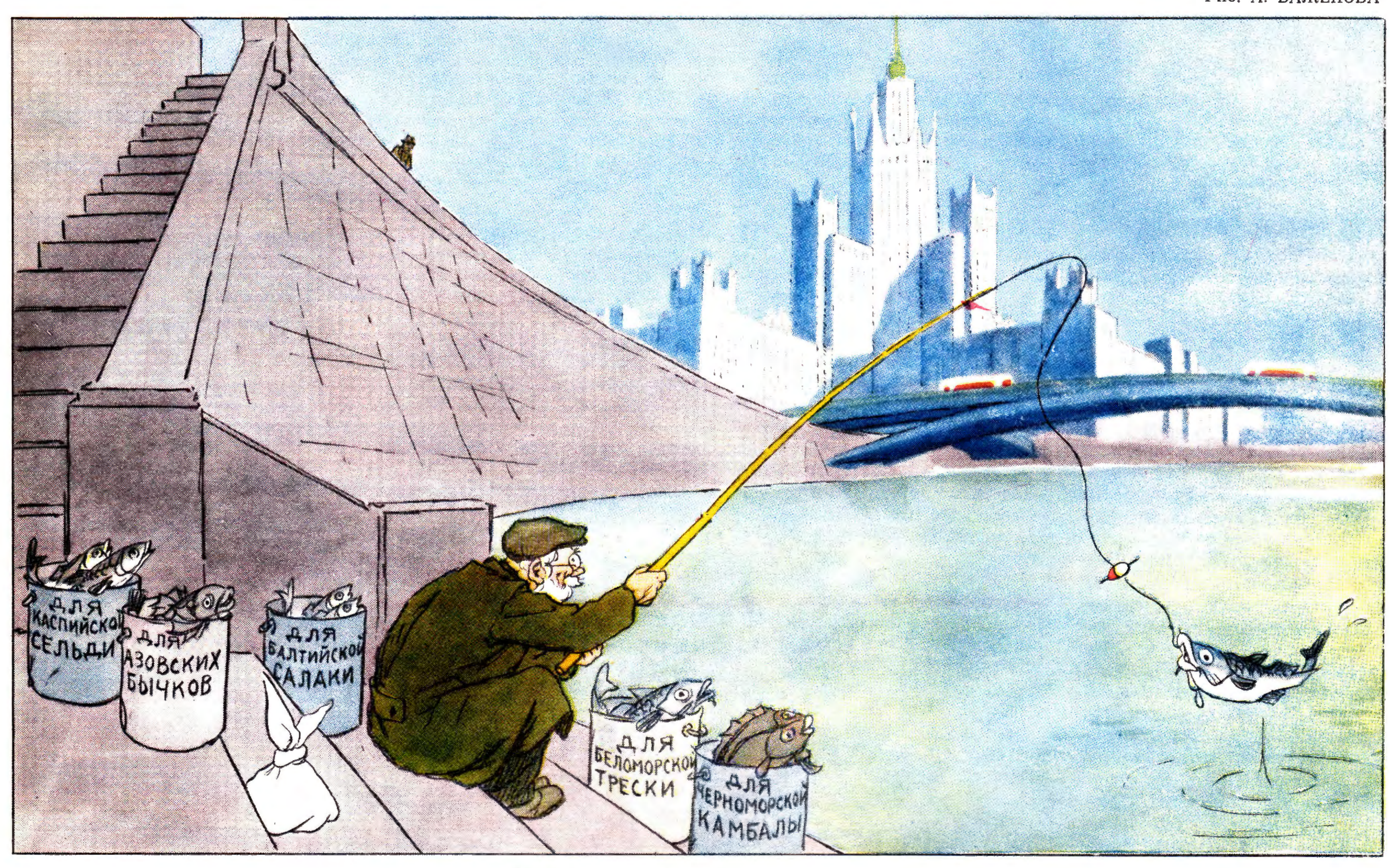
Он там дежурит по неделям
У всех столов,
у всех дверей,
Своим увесистым портфелем
В дрожь приводя секретарей.
Он шлёт по десять жалоб в сутки,
Торчит в редакциях газет,
Твердит, что все к нему нечутки
И что к нему вниманья нет...

Пока плачевны результаты;
Везде, куда ни посмотри,
Сидят, как видно, бюрократы
Или сплошные сухари...
И, склонный к дрязгам по натуре,
Он всех винит в своей беде:
Нарсуд винит в прокуратуре,
Прокуратуру —
в нарсуде...

Обида!.. Сколько чёрной злобы
Она рождает!..
Как она
У снятой с должности особы
Неукротима и сильна!
Она кипит, она клокочет,
Она наружу выйти хочет...
И, потеряв весь мир из виду,
Себя теряя самого,
Особа видит лишь обиду,
Не видя больше ничего!..
Антон Фомич страдает очень.
Худеет, тает, как свеча...
Хотя работа, между прочим,
Есть для Антона Фомича.
Есть место. Но идти под гору
Антон Фомич не хочет зря
(Один «Москвич» на всю контору,
И даже нет секретаря!)
Как будто бы его не знают,
Твердят повсюду об одном:
На специальность намекают,
Какой-то требуют диплом...
С ним говорят, как с незнакомым,
Не замечая сгоряча,
Что до сих пор а п л о м б дипломом
Был для Антона Фомича.

Антону Фомичу обидно.
Он всё ещё чего-то ждёт,
Хотя давно всем ясно видно:
Антон Фомич уже не тот!
Какая мощная персона
Скатилась в бездну с небосклона!..
А почему?
Апломб большой,
А ничего нет за душой.

Рис. А. БАЖЕНОВА

Рыбная ловля на Москве-реке.

КЛЯУЗНИК

ГДЕ это видано, чтобы электрический свет рождал тёмное дело? Ведь это противоречит законам физики и логики и, наверно, ещё каким-нибудь законам! Однако это случилось!

Жили и теперь живут в посёлке Расторгуево, Московской области, Андрей Жиляков с супругой Ольгой Парахиной. Они зорко наблюдают за окружающими людьми, присматриваются. Пройдёт мимо их двора сосед в новом пальто — переглянутся.

— Не иначе, как по блату достал,— скажет муж.

— Известно, жулики!—подтвердит жена.

Услышат, что человека на хорошее место назначили, тут же решают единогласно:

— Взятку дал!

А когда граждане Детской улицы выбрали инициативную группу и стали собирать деньги для проводки электричества, совсем потерял покой Андрей Жиляков. Крупная сумма — 47 тысяч рублей,— которую граждане доверили председателю инициативной группы Петру Антоновичу Квятковскому, окончательно лишила его сна. Так и сверкает перед его глазами, так и танцует! 47 тысяч! Прорва деньжищ! Не верилось Жилякову, чтобы, имея в руках такую кучу чужих денег, человек не располовинил бы их, не провёл бы себе свет за чужие денежки.

Затосковала душа жиляковская, заметалась во все стороны. Ему казалось невероятным, что люди допускают себя обворовывать. Стал он с соседями разговаривать.

Давайте, мол, проверим, что и как там делается, не ворует ли агроном Квятковский. Как человеку устоять перед деньгами?

Встревожились соседи и выбрали Жилякова в ревизионную комиссию. Стала комиссия дела проверять, на счётах складывать, цифры сравнивать, но того, что искал Жиляков, не нашла. Дела по проводке электричества оказались светлыми, как и сам электрический свет.

— Не может быть этого! Не верю! — упрямо сказал себе Жиляков и написал жалобу районному прокурору. Назначил прокурор ревизию. Но и эта ревизия ничего не нашла.

Взбеленился Жиляков. Вновь вооружился бумагой и чернилами. Плоховато писать без электричества, но для тёмных дел всё равно, что свет, что тьма.

Пишет. Брызгает чернилами. Мошенничество! Подлог! Воровство! Деньги крадёт! Столбы крадёт! Пишет и не хочет видеть, что столбы стройной линией стоят по улице, что в домах уже проводку заканчивают.

Летят во все учреждения жалобы. В прокуратуру, в Госконтроль, в редакции газет. Курьеры письма и повестки носят. Прокуроры, инспектора дела откладывают, жиляковские жалобы читают, в Расторгуево ездят, столбы и провода щупают, Квятковского допрашивают.

Похудел старик, осунулся. За все прошлые 70 лет с ним такого позора не случалось. Да ведь ничего не поделаешь. Каждая жалоба проверки требует, а проверка время отнимает.

Два года прошло в рассмотрении жалоб Жилякова.

Давно уже электричество светит. Жить бы людям да радоваться! Так нет! Льётся из-под пера Андрея Васильевича мутный поток клеветы, благо и писать при свете электричества удобней стало.

Ходит Пётр Антонович Квятковский из учреждения в учреждение: оправдывается. Возмущаются граждане, сочувствуют старику. Возмущаются в прокуратуре, в Госконтроле, в редакциях, успокаивают Квятковского.

— Не волнуйтесь,— говорят,— гражданин, ничего против вас не обнаружено.

— Да как же, граждане, не волноваться? — разводит руками Пётр Антонович. — Семьдесят лет жил я безупречно, решил хорошее дело сделать и государству более пятидесяти тысяч сберечь, а выходит, что я же и подлец! Как же это? За что?

И плетётся Квятковский домой удручённый. А Жиляков сидит на завалинке и злобно думает:

«А вот погоди, старый хрен, я возьму да и напишу самому главному прокурору, он тебе покажет электричество!»

* * *

Тёмные дела могут совершаться и в темноте и при электрическом свете. Но рано или поздно они становятся для окружающих ясными.

Ведь совершенно ясно, что у нас никому не позволено использовать во зло исключительную чуткость ко всем заявлениям, которая так характерна для Советской страны.

Не позволено даже Жилякову.

Н. ПОКРОВСКАЯ

НЕРУШИМЫЙ *авторитет*

Телефонный звонок. Тов. Ваизов снимает трубку.

— Здравствуйте, товарищ Измайлова, — говорит он. — Спасибо, чувствую себя нормально. Что? Посылаете к нам работника на должность заведующего торговым отделом? Спасибо. Но заведующий этим отделом у нас есть, товарищ Мулюков. Среднее образование. Был на партийной работе. В Казань прибыл из Намангана. Прекрасная характеристика... Что, он не знает местных условий? Представьте, он знает! Отлично освоился. Целых четыре месяца товарищ Мулюков был у нас инспектором торгового отдела. Показал себя с положительной стороны! Уверяю вас, товарищ Измайлова, что Мулюков — энергичный, опытный работник, хороший общественник. Что? Что вы говорите? Советуете пересмотреть решение исполкома о назначении товарища Мулюкова заведующим торговым отделом? Но какая в этом необходимость? Он ведь справляется со своими обязанностями. Хотите со мною лично поговорить об этом? Пожалуйста, приезжайте, товарищ Измайлова!..

На следующий день заместитель председателя исполкома Казанского городского совета тов. Измайлова прибыла в исполком Свердловского райсовета. Она решительно потребовала от председателя исполкома тов. Ваизова:

— Немедленно, опросным порядком, отменить решение исполкома о назначении товарища Мулюкова. Назначить на эту должность товарища Кирсанову и отставить Мулюкова.

— Но для таких действий нужны основания, товарищ Измайлова.

— Основания? Завтра получите от нас требуемую бумажку и всё оформите...

Бумажка в райисполком поступила на другой же день из городского торготдела:

«Согласно указанию заместителя председателя исполкома горсовета тов. Измайловой...», предлагалось назначить заведующей райторготделом тов. Кирсанову, освободив от этой должности ни в чём не повинного тов. Мулюкова.

Руководители исполкома райсовета не согласились, они сослались на права местных Советов, указали на принципы советской демократии.

— Ах, вот как! — воскликнула тов. Измайлова. — Ну, я тоже не отступлю! Подрывать свой авторитет никому не позволю!

Нажим из исполкома горсовета продолжался. В исполком райсовета поступило очередное предписание за подписью тов. Измайловой. Председателю райисполкома категорически предлагалось пересмотреть прежнее решение, вынести новое — и «чтоб никаких Мулюковых!»

Исполком райсовета обсудил это настойчивое требование и принял такое решение:

«...Учитывая, что в отношении кандидатуры тов. Мулюкова М. Ш. каких-либо компрометирующих данных не приведено, исполком нашёл нужным оставить своё решение в силе».

Но после этого последовала новая, ещё более ожесточённая атака. Из горторготдела за подписью заведующего тов. Петрова полетел приказ: «Назначить заведующей райторготделом Свердловского района гор. Казани тов. Кирсанову Татьяну Петровну. Основание: решение исполкома горсовета от 15 октября».

Но 15 октября 1951 года исполком горсовета не заседал и никакого решения не принимал. 16 октября, в порядке опроса членов исполкома, выносится решение горисполкома: «Утвердить заведующей райторготделом Свердловского райисполкома тов. Кирсанову Татьяну Петровну».

Райисполком вновь возразил, горисполком вновь подтвердил своё решение, тогда, в свою очередь, райисполком...

...Чтобы не отнимать времени у читателя, можем сообщить, что тов. Измайлова одержала верх.

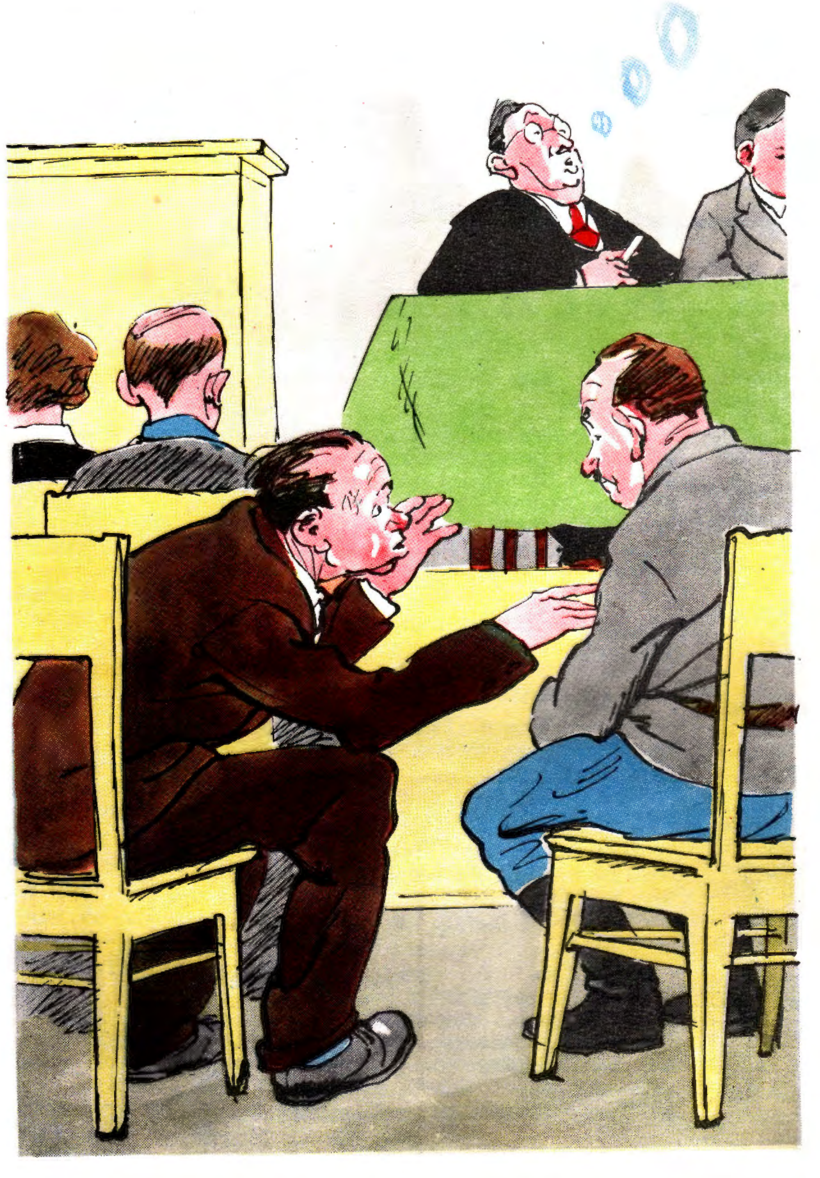
Вот что значит «авторитет»!

А. ДЬЯЧЕНКО

г. Казань.

МОЖНО НЕ ВОЛНОВАТЬСЯ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— А не рассердится ли Пётр Петрович на критику?

— Что вы! Он на критику никогда не обращает внимания!

ВИЛЫ В БОК

В ЦЕЛЯХ УЛУЧШЕНИЯ

Недавно шахматисты и шашисты г. Фрунзе были немало удивлены приказом председателя городского комитета по делам физкультуры и спорта тов. Хулапа:

«В целях улучшения работы шахматно-шашечного клуба... запретить во время работы клуба играть лёгкие партии!»

Долго думали-гадали любители шахматной и шашечной игры, что понимать под странным термином «лёгкие» партии.

Но скоро ясность внёс директор клуба тов. Кудряшов. Основываясь на приказе тов. Хулапа, он стал выпроваживать из клуба всех «рядовых» любителей шахмат, играющих нетурнирные партии. Теперь в клубе разрешается играть только партии официальных турниров. Клуб стал закрываться на два—три часа раньше срока.

И тут поняли фрунзенские шахматисты, что, запрещая играть в клубе так называемые «лёгкие» партии, товарищи Хулапа и Кудряшов создают себе лёгкую жизнь!

Р. КЛЕВАКИН

ПОДДЕРЖИВАЮТ КОММЕРЦИЮ

На одном из железнодорожных разъездов встретились две поездные бригады, сопровождавшие товарные составы. Встретились и разговорились:

— Куда и откуда?

— Из Кировограда в Винницу! А вы?

— Из Винницы в Кировоград!

— Вот оно как! Что везёте?

— Моечные машины для тракторов! А вы?

— Тоже моечные машины!

— Вот те на! Кто же это додумался одинаковые машины возить туда и обратно?

— Известно кто! Украинская контора «Сельхозснабжение»! Нужны, скажем, винницким МТС машины для мойки,— извольте. «Укрсельхозснаб» даёт распоряжение кировоградскому заводу «Красный Профинтерн» отгрузить в Винницу шесть машин. В свою очередь, испытывают нужду в мойках кировоградские МТС. И тут нет отказа. «Укрсельхозснаб» предлагает Винницкому ремонтному заводу отправить в Кировоград четырнадцать моек.

— Выходит, что украинская контора «Сельхозснабжение» больше всего печётся об увеличении грузооборота на транспорте!

— Да уж, спасибо ей! Не жалеет денежек, поддерживает коммерцию!

Л. МИШИН

МОЛОЧНЫЙ КОЛОДЕЦ

Очень любит похвалу Иван Никитич Колосов. Так он обожает её, коварную, что в счастливую минуту, когда слышит дифирамбы по своему адресу, то даже и не замечает, как у него начинается этакое томительное головокружение.

Однажды при встрече с ним его сосед И. В. Софронов, зная эту слабость Ивана Никитича, заметил:

— С той поры, как ты, Иван Никитич, стал председателем нашего колхоза «Победа», сразу и дела на лад пошли.

— Так думаешь? — вопросил председатель, чувствуя, как кровь горячей волной хлынула к голове.— Что же, спасибо за высокую оценку моего труда!

— А до чего же хороши у нас на колхозной ферме коровы! — продолжал Софронов. И, поняв, что наступила самая подходящая минута переходить от слов к делу, учтиво добавил: — «Роза» мне очень нравится. На твоих хозяйственных глазах, Иван Никитич, выросла...

— Да что и говорить, корова славная!

— Молочный колодец, а не корова! Разве может сравниться с ней моя «Милашка»!

После глубокомысленных рассуждений о приметах молочности коров собеседники пришли к мудрому выводу: приметы — дело наживное. В хозяйстве с высокой зоотехнической культурой скот всегда хороший.

— Берусь спорить,— запальчиво вскричал Софронов,— будь моя «Милашка» на колхозной ферме, и у неё открылся бы молочный колодец, всем на удивленье! Под руководством нашего председателя всего можно достичь!

У Колосова пуще прежнего «с похвал вскружилась голова, от радости... дыханье спёрло», и на приветливы слова он изрёк:

— Что ж, давай «Милашку» колхозу, а себе забирай «Розу». Забирай и пользуйся!

Владелец «Милашки» ещё раз похвалил председателеву добрую душу, но усомнился, что скажут на сей счёт хозяева фермы — колхозники.

— Они и знать ничего не будут. Не впервой! — пояснил расщедрившийся председатель.— Сам знаешь, какая коровёнка была у Рогуновой. Хуже худой козы. А теперь? «Чернушка» с фермы выдана. А Булатову кто обмен устроил?.. Короче говоря, забирай «Розу» и купайся в молоке.

Обмен состоялся. Колхозники узнали о сделке. И тут уж не похвала, а критика потревожила слух председателя. Но, будучи чутким только к похвалам, он не внял критическому слову. Даже обиделся:

— Что я один, что ли, такой? У нас в Тургиновском районе, в колхозах «Новая жизнь», имени Калинина, имени лётчика Морозова, тоже так делают. Выходит, тамошние председатели Иванов, Ермолаев, Полуянов могут распоряжаться колхозным добром по своему усмотрению, а я не могу? Да что я, в самом деле, председатель или не председатель?

...Очень любит похвалу Иван Никитич Колосов и не очень жалует критику.

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

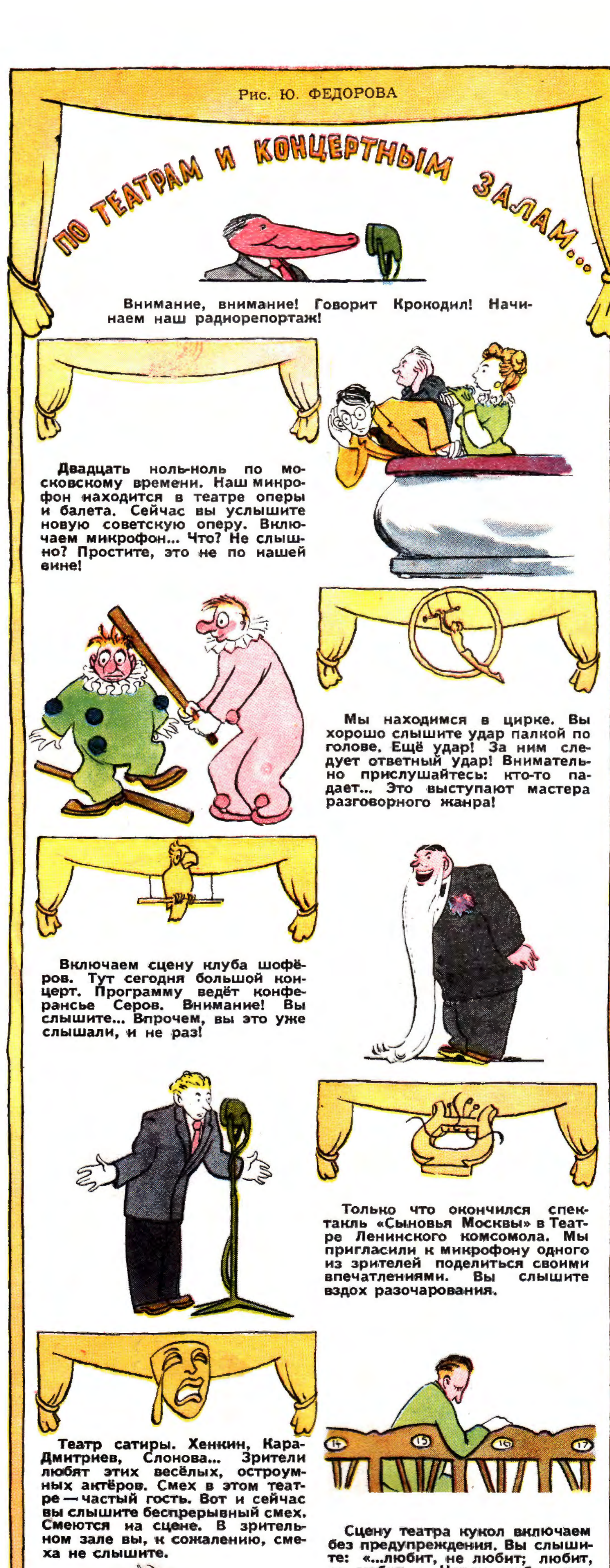
НЕ НА ТОМ МЕСТЕ

Рис. А. ПЛАСТОВА

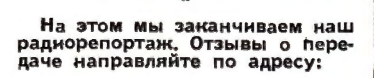

— На шоссейной дороге — и вдруг урожай озимых!

— Что ж тут удивительного: здесь и семян много посеяно и удобрений разбросано!

ПОКА РЕШАЕТ СУД...

Летним днём 1949 года директор Арикской средней школы Османов раскрыл сейф и положил в него несколько десятков тысяч рублей. Это были деньги, полученные на пристройку помещения к школьному зданию. Повернув ключ в сейфе, директор задумался. Долго ли, коротко ли он думал, установить сейчас трудно. Известно лишь одно: из своего кабинета Османов проследовал в сельский совет.

— Надо бы школу расширить, — начал он, обращаясь к председателю сельсовета. — Как ты на это смотришь?

— Дело хорошее. Учащихся становится всё больше и больше, — ответил тот.

— Дело-то, конечно, неплохое, да деньжат у меня маловато, — заметил директор, глядя в сторону. — На мелкие расходы: маляру заплатить, плотнику подбросить...

Председатель пожал плечами:

— Деньгами сельсовет не поможет, не предусмотрены такие расходы.

— А если...

— Что, а если?

— А если строительство провести методом народной стройки? Народ — сила, горы перевернёт!

— Что ж, неплохо придумано! — согласился председатель.

Горы перевёртывать у арикских колхозников, учителей, учащихся нужды не было, но на призыв сельсовета о помощи школе они откликнулись живо. К школе начали прибывать подводы с камнем, песком, лесом, застучали топоры... А в руках Османова заскрипело перо. Он составлял ведомости на заработную плату, в которых значились никому не принадлежащие фамилии. Против каждой из них стояла неразборчивая закорючка — след творческих исканий автора. Чем больше скрипело перо Османова, тем больше было закорючек и меньше оставалось денег в сейфе.

Это творчество Османова обошлось государству ни много, ни мало — в 36 833 рубля!

Но настал час, и районная прокуратура схватила директора за руку. Он предстал перед народным судом.

Осталось неизвестным, чем и как Османов очаровал судью тов. Спивак, но лёгкость наказания превзошла, очевидно, даже надежды подсудимого. Суд решил удерживать с него в течение года по 25 процентов из заработной платы.

Честные люди не могли согласиться с таким решением суда и опротестовали приговор. Высшая судебная инстанция признала Османова виновным в присвоении государственных средств и приговорила к 10 годам лишения свободы. Но тут вновь заскрипело перо Османова, и суровый приговор был отменён, и дело направлено на доследование.

Так второй год путешествует объёмистое дело Османова из одной судебной инстанции в другую. Окончательного решения всё ещё нет.

Тем временем Османов, получив пост директора Урожайненской средней школы, не забыл «доходное место» — Арикскую школу — и составил несколько ведомостей на заработную плату, отпускные, разницу к заработной плате и разницу к отпускным за время, которое он там не работал, отбывая наказание. Это новое творчество обошлось государству ещё в 9 781 рубль.

Одновременно Османов усиленно хлопочет «о смягчении наказания». И, как видно, не без успеха.

К. СУШКО

г. Нальчик.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◇ В № 3 за 1952 год Крокодил кланялся председателю Дорпрофсожа управления Калининской железной дороги Сазонову и просил его заглянуть в клуб имени Парижской Коммуны в городе Торжке, требующий серьёзного ремонта.

В настоящее время клуб ремонтируется. Срок окончания ремонта установлен 1 августа.

◇ В том же номере журнала было помещено письмо читателя Крокодила тов. Цукермана о том, что директор новороссийского завода «Красный двигатель» Орлов направил каменец-подольской конторе «Автотракторосбыт» вагон ненужных деталей вместо просимых и этим сорвал ремонт тракторов.

Решением коллегии Министерства автомобильной и тракторной промышленности СССР Орлов от работы освобождён.

Контора обеспечена необходимыми деталями.

◇ В № 7, в заметке «Танцлекторий», сообщалось о недочётах в культурно-просветительной работе на Брянском паровозостроительном заводе в городе Бежице.

В настоящее время Министерство транспортного машиностроения СССР и партийный комитет завода приняли по заметке необходимые меры. Выделено 4 500 тысяч рублей на достройку и оборудование бежицкого Дворца культуры.

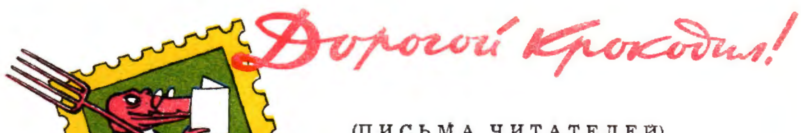
◇ Граждане села Полтавки, Компанеевского района, Кировоградской области, написали в Крокодил письмо о плохой работе колхозного клуба.

Районный отдел культпросветработы проверил работу клуба и оказал ему нужную помощь.

При клубе уже организованы хоровой, музыкальный и драматический кружки.

◇ Директор раймага в селе Атаки, Молдавской ССР, тов. Авербух не только не помогал молодым специалистам торговли, но создавал для них тяжёлые условия работы. Об этом было написано в Крокодил.

За бездушное отношение к молодым специалистам, а также за нарушение правил советской торговли Авербух с работы снят.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Как по-твоему, кто в Бобруйске больше всех спит? Не удивляйся вопросу. Дело в том, что жители нашего города волей-неволей спят больше, чем им самим хотелось бы. Городская электростанция почти каждый вечер исправно выключает свет вплоть до утра. Горожанам приходится или сидеть с импровизированными коптилками или укладываться спать в одно время с курами.

Не кажется ли тебе, дорогой Крокодил, что крепче и спокойнее всех спят в Бобруйске руководители горисполкома? Иначе почему же они не видят плохой работы электростанции и не обращают внимания на жалобы трудящихся по этому поводу?

В. ЮРТОВ

г. Бобруйск.

Дорогой Крокодил!

Говорят, хорошее начало — половина дела. Не спорю. Когда я внёс предложение изменить бульдозерное приспособление на тракторе, всё было хорошо. Бриз нашего завода предложение принял, опытный экземпляр дал положительные результаты, новую конструкцию решили внедрить в производство.

Чтобы перейти ко второй половине, то есть к внедрению приспособления в производство, потребовалось разрешение технического отдела Главлесбуммаш. Послали туда письмо с чертежами и актами.

Прошло вот уже два года, а из технического отдела ни ответа, ни привета.

Дорогой Крокодил, не можешь ли ты поторопить с ответом работников главка, который теперь переименован в Главлесзапчасть? Как ни хороша первая половина дела, но всё же это только половина.

Н. ПЕЛЕНИЧКИН,
инженер.

г. Красноярск.

Уважаемый Крокодил!

Очень обрадовало управляющего Краснодарским консервтрестом Ф. Д. Штанько известие, что министерство премировало коллектив совхоза «Агроном» легковой автомашиной. Расчувствовавшись, он прислал в совхоз поздравительное письмо с пожеланием дальнейших успехов.

Но ещё больше пришлась ему по душе сама премия. Когда машина пришла на станцию Динская, он переадресовал её к себе в трест, а приказ министерства заменил своим собственным приказом: передать совхозу старенькую, истрёпанную трестовскую машину.

Очевидно, тов. Штанько решил, что его поздравительное письмо по случаю премии для коллектива совхоза дороже самой премии!

В. ПОГОРЕЛОВ,
председатель рабочего комитета совхоза «Агроном»

ст. Динская,
Краснодарского края.

Товарищ Крокодил!

Сталинабадский мыловаренный завод специализировался на изготовлении мыла своеобразного качества. При стирке этим мылом бельё начинает чернеть буквально на глазах. Заместитель министра пищевой промышленности Таджикской ССР тов. Сопраненко в ответе на жалобы трудящихся объясняет это странное поведение мыла так: оно-де вполне соответствует стандарту, но изготовляется по рецептуре, при которой красящие вещества во время варки из мыла не удаляются...

Дальше тов. Сопраненко добавляет, что они добивались перед вышестоящими организациями изменения рецептуры, но безрезультатно, и теперь «...данный вопрос разрешается в Москве».

Посоветуй, дорогой Крокодил, что делать сталинабадским хозяйкам, пока «вопрос разрешается». У них всё бельё может превратиться из белого в чёрное. А вдруг заводу не разрешат выпускать доброкачественное мыло?

А. ЗАХАРОВА

г. Сталинабад.

Газета «Социалистическое земледелие» (№ 45809) сообщила, что в колхозе «Красное знамя», Молдавской ССР, с одного дерева собирают по 2 500 плодов грецких орехов, что составляет 2,5 центнера. Это значит, что один грецкий орех весит 100 граммов, т. е. равняется весу крупного яблока.

Рис. Л. ГЕНЧА

— Выдумал я вас на свою голову!..

В РЕДАКЦИИ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ

Рис. В. ЛОСИНА

— Работники райкома просто не нахвалятся нашим новым редактором! Снегозадержание в колхозе он провёл на «отлично», с посевной тоже справился... Теперь он оставлен на сенокос, уборочную и осенний сев!

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 389. Подписано к печати 30/IV 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01387. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1173. Тираж 300 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

НОВИНКА УОЛЛ-СТРИТОВСКОЙ ТЕХНИКИ

Усовершенствованный шестиствольный блохомёт с опровергательным двухствольным прицепом.